

Отец семейства — эпизод 1 из 2

Это случается обыкновенно после хорошего проигрыша или после попойки, когда разыгрывается катар. Степан Степаныч Жилин просыпается в необычайно пасмурном настроении. Вид у него кислый, помятый, разлохмаченный; на сером лице выражение недовольства: не то он обиделся, не то брезгает чем-то. Он медленно одевается, медленно пьет свое виши и начинает ходить по всем комнатам.

Желал бы я знать, какая ссскотина ходит здесь и не затворяет дверей? ворчит он сердито, запахиваясь в халат и громко отплевываясь. Убрать эту бумагу! Зачем она здесь валяется? Держим двадцать прислуг, а порядка меньше, чем в корчме. Кто там звонил? Кого принесло?

Это бабушка Анфиса, что нашего Федю принимала, отвечает жена.

Шляются тут... дармоеды!

Тебя не поймешь, Степан Степаныч. Сам приглашал ее, а теперь бранишься. Я не бранюсь, а говорю. Занялась бы чем-нибудь, матушка, чем сидеть этак, сложа руки, и на спор лезть! Не понимаю этих женщин, клянусь честью! Не по-ни-маю! Как они могут проводить целые дни без дела? Муж работает, трудится, как вол, как ссскотина, а жена, подруга жизни, сидит, как цапочка, ничего не делает и ждет только случая, как бы побраниться от скуки с мужем. Пора, матушка, оставить эти институтские привычки! Ты теперь уже не институтка, не барышня, а мать, жена! Отворачиваешься? Ага! Неприятно слушать горькие истины?

Странно, что горькие истины ты говоришь только когда у тебя печень болит. Да, начинай сцены, начинай...

Ты вчера был за городом? Или играл у кого-нибудь?

А хотя бы и так? Кому какое дело? Разве я обязан отдавать кому-нибудь отчет? Разве я проигрываю не свои деньги? То, что я сам трачу, и то, что тратится в этом доме, принадлежит мне! Слышите ли? Мне!

И так далее, всё в таком роде. Но ни в какое другое время Степан Степаныч не бывает так рассудителен, добродетелен, строг и справедлив, как за обедом, когда около него сидят все его домочадцы. Начинается обыкновенно с супа. Проглотив первую ложку, Жилин вдруг морщится и перестает есть.

Чёрт знает что... бормочет он. Придется, должно быть, в трактире обедать. А что? тревожится жена. Разве суп не хорош?

Не знаю, какой нужно иметь свинский вкус, чтобы есть эту бурду! Пересолен, тряпкой воняет... клопы какие-то вместо лука... Просто возмутительно, Анфиса Ивановна! обращается он к гостье-бабушке. Каждый день даешь

прорву денег на провизию... во всем себе отказываешь, и вот тебя чем кормят! Они, вероятно, хотят, чтобы я оставил службу и сам пошел в кухню стряпать. Суп сегодня хорош... робко замечает гувернантка.

Да? Вы находите? говорит Жилин, сердито щурясь на нее. Впрочем, у всякого свой вкус. Вообще, надо сознаться, мы с вами сильно расходимся во вкусах, Варвара Васильевна. Вам, например, нравится поведение этого мальчишки (Жилин трагическим жестом указывает на своего сына Федю), вы в восторге от него, а я... я возмущаюсь. Да-с!

Федя, семилетний мальчик с бледным, болезненным лицом, перестает есть и опускает глаза. Лицо его еще больше бледнеет.

Да-с, вы в восторге, а я возмущаюсь... Кто из нас прав, не знаю, но смею думать, что я, как отец, лучше знаю своего сына, чем вы. Поглядите, как он сидит! Разве так сидят воспитанные дети? Сядь хорошенько!

Федя поднимает вверх подбородок и вытягивает шею, и ему кажется, что он сидит ровнее. На глазах у него навертываются слезы. Ешь! Держи ложку как следует! погоди, доберусь я до тебя, скверный мальчишка! Не смей плакать! Гляди на меня прямо!

Федя старается глядеть прямо, но лицо его дрожит и глаза переполняются слезами.

Ааа... ты плакать! Ты виноват, ты же и плачешь? Пошел, стань в угол, скотина! Но... пусть он сначала пообедает! вступается жена.

Без обеда! Такие мерз... такие шалуны не имеют права обедать!

Федя, кривя лицо и подергивая всем телом, сползает со стула и идет в угол. Не то еще тебе будет! продолжает родитель. Если никто не желает заняться твоим воспитанием, то, так и быть, начну, я... У меня, брат, не будешь шалить да плакать за обедом! Болван! Дело нужно делать! Понимаешь? Дело делать! Отец твой работает и ты работай! Никто не должен даром есть хлеба! Нужно быть человеком! Че-ло-ве-ком!

Перестань, ради бога! просит жена по-французски. Хоть при посторонних не ешь нас... Старуха всё слышит и теперь, благодаря ей, всему городу будет известно...

Я не боюсь посторонних, отвечает Жилин по-русски. Анфиса Ивановна видит, что я справедливо говорю.